

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-79-96

К.А. Лихачев

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОНЕ ОБОСТРЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ НЬЮ-ДЕЛИ

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, каким образом видоизменились отношения между Китаем и Индией в последнее десятилетие, и какую роль в этом процессе занимают существующие территориальные противоречия между странами. Рассмотрена индийская трактовка стратегии КНР в регионе Южной Азии и роли китайско-пакистанских связей в выстраивании регионального баланса сил. Автор затрагивает тему влияния «трансграничного терроризма», поддерживаемого с территории Пакистана, на характер китайско-индийских отношений. Акцент статьи сделан на итогах противостояния Китая и Индии вдоль Линии фактического контроля (ЛФК) на плато Доклам в 2017 г. и реорганизации штата Джамму и Кашмир в 2019 г., спровоцировавшей новые пограничные столкновения в Ладакхе в 2020 г. В статье делается вывод о том, что инцидент в долине реки Галван в июне 2020 г. определил ужесточение курса политики правительства Н. Моди в отношении КНР. В результате сохранение существующего статус-кво в Ладакхе больше не является обоюдным приоритетом. Вследствие принципиальных противоречий в трактовке ЛФК

именно пограничные споры становятся ключевым фактором для выстраивания китайско-индийских отношений. В то же время существующий механизм по предупреждению столкновений в районах ЛФК до сих пор позволял избежать эскалации пограничных инцидентов. Более того, существенная торгово-экономическая зависимость Индии от Китая в настоящее время предохраняет Нью-Дели от выбора силового варианта в решении спорных пограничных вопросов. При этом автор предполагает, что в условиях развития конфронтации с Китаем Индия может видоизменить внешнеполитические принципы «стратегической автономии» в пользу стратегии «мягкого балансирования» для сдерживания КНР. Об этом может свидетельствовать сближение с США и активизация индийского участия в формате *Quad*¹, имеющем скрытый антикитайский характер, а также развитие индийской концепции «Индо-Тихоокеанского региона». В любом случае вопрос территориальных противоречий будет иметь определяющий характер в выборе стратегии Нью-Дели в отношении КНР на ближайшие годы.

Ключевые слова: Индия, КНР, Пакистан, линия фактического контроля, территориальные споры, внешняя политика, трансграничный терроризм, Джамму и Кашмир, Ладакх.

Автор: Лихачев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: likhachevkirill@gmail.com

К.А. Likhachev

The changing nature of Sino-Indian relations against the rising border tensions: view from New Delhi

Abstract. This article pretends to answer how Sino-Indian bilateral relations have been changing during the last decade and what role the existing border disputes play within this process. Attention is given to India's perception of Chinese strategy in the South Asia region and the influence of Chinese-Pakistani ties on the shifts in regional balance of power. The author touches upon the subject of 'cross-border terrorism', promoted from the Pakistan soil against India, and its implications to the Sino-Indian relations. A stress is put on the significance of the Doklam

¹ Четырехсторонний диалог по безопасности в составе США, Японии, Индии и Австралии.

Plateau standoff between India and China in 2017 and the reorganization of the Jammu and Kashmir state in 2019 which in turn led to new border skirmishes in Ladakh in 2020. It is concluded, that the incident in Galwan Valley in June 2020 was a turning point for the Modi's government to choose tough foreign policy towards China. As a result, preserving the current status-quo in Ladakh is not anymore a mutual priority for the both countries. The boundary dispute seems to become principal defining factor in Sino-Indian bilateral relations, because of fundamental contradictions about the Line of actual control (LAC). At the same time, the existing confidence-building measures which are meant to facilitate cooperation along the LAC still preserve the sides from escalating border clashes. Moreover, substantial trade-economic dependence from China implies that New Delhi would prefer to avoid the use of force in resolving border disputes at the time. However, India could shift its traditional 'strategic autonomy' principles towards 'soft balancing' strategy in order to contain Beijing in the context of deepening contradictions with China. This could be partially confirmed by India's growing rapprochement with the US and evolution of India's participation in the Quad dialogue format, which has implicit anti-Chinese goals, or India's promotion of the Indo-Pacific concept. Anyway, the issue of territorial contradictions will be crucial for New Delhi's strategy towards the PRC in the short — and midterm.

Keywords: India, PRC, Pakistan, Line of actual control (LAC), territorial disputes, foreign policy, cross-border terrorism, Jammu and Kashmir, Ladakh.

Author: Kirill A. LIKHACHEV, Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Saint-Petersburg State University. E-mail: likhachevkirill@gmail.com

Обострение территориальных споров между Индией и Китаем можно воспринимать в качестве индикатора, свидетельствующего о происходящих изменениях в региональном балансе сил, которые в значительной степени обусловлены столкновением глобальных амбиций двух крупнейших держав Азии на фоне развивающейся американо-китайской конфронтации. В 2010-х годов усиление роли КНР в мировой экономике и политике сопровождалось торгово-экономическим проникновением Китая в «домашний» для Индии регион, что подрывало индийские позиции в отношениях с со-

седними странами [Likhachev K.]. Закрепив за собой позицию крупнейшего торгового партнера Индии, Пекин вовлекал Нью-Дели во все большую торгово-экономическую зависимость. Параллельно укрепление «всепогодного союза» КНР с Пакистаном ставило Нью-Дели во все более сложное положение. Приход к власти Бхаратия Джаната Парти (БДП) в 2014 г. обозначил новый этап во внешней политике Индии. Амбиции нового политического руководства во главе с Н. Модии были направлены на вывод Индии в статус глобальной державы. В контексте растущего китайско-индийского соперничества за влияние на страны Юго-Восточной Азии и Африки и расширения военно-морского присутствия Китая в акватории Индийского океана вопрос об оптимальной стратегии в отношении Пекина приобретал первостепенное значение. В Нью-Дели сделали ставку на параллельное развитие различных форматов сотрудничества в рамках политики «стратегической автономии». Поддержка приемлемого баланса сил в региональной политике в условиях растущей мощи КНР происходила в том числе и посредством укрепления отношений с зачастую соперничающими акторами (США и РФ, Ираном и Израилем, в рамках БРИКС и *Quad*). Однако накопление противоречий с Китаем при сохранении конфликтного потенциала территориальных споров все больше предопределяло вероятность деструктивных тенденций в отношениях Пекина и Нью-Дели.

«Политика сдерживания» и фактор Пакистана в индийско-китайских отношениях

Характер китайско-индийских отношений, традиционно рассматриваемый в «нулевых» годах текущего века в рамках модели «партнерство-соперничество», начал меняться с приходом «пятого поколения лидеров» КНР в 2012 г. К 2016 г. индийская сторона приняла некоторые решения Пекина по принципиальным для Нью-Дели вопросам как свидетельство проводимой в отношении Индии «политики сдерживания». Во-первых, КНР в Совете Безопасности ООН последовательно накладывала вето на включение Масуда

Азхара, лидера террористической группировки Джаиш-е-Мухаммад (ДеМ) (запрещена в РФ), в черный список международных террористов. Базирующаяся в Пакистане ДеМ несла ответственность за целый ряд крупных терактов на территории Индии. В Нью-Дели всегда делали акцент на «трансграничности» террористической угрозы, исходящей из Пакистана. Включение Азхара в черный список ООН значительно подкрепило бы позиции Индии в отношении неудовлетворительной роли Пакистана в борьбе с международным терроризмом на собственной территории. Складывалось впечатление, что КНР преследовала цель предотвращать те международные инициативы, которые могли способствовать признанию Пакистана на международной арене как государства, поддерживающего терроризм. Это могло бы нанести урон престижу самого Китая в качестве главного союзника Пакистана в регионе. Во-вторых, Китай во главе ряда стран заблокировал индийскую заявку о присоединении к Группе ядерных поставщиков (ГЯП), мотивируя это неприсоединением Индии к режиму ядерного нераспространения в рамках ДНЯО. Членство в ГЯП позволило бы Индии значительно ослабить зависимость экономики от импорта энергоресурсов. Присоединение к ГЯП в обход ДНЯО было центральным звеном в «ядерной сделке» Индии и США, которые оказывали всестороннюю поддержку индийской заявке в переговорах с остальными участниками данного объединения. Сближение Индии с США также вызывало озабоченность у руководства КНР.

На этом фоне в мае 2017 г. Индия торпедировала китайскую инициативу «Пояс и путь» (ИПП), объясняя свое нежелание участвовать в крупнейшем инфраструктурном и торговом предприятии тем, что проект Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) планируется к реализации на спорных территориях в Кашмире. Несмотря на то, что Индия являлась вторым главным акционером управляемого КНР Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), общий характер индийских опасений был связан с тем, что ИПП находится под полным контролем Китая, а значит «присоединение страны к «Поясу и пути» будет равнозначно признанию неизбежности превосходства Китая в Азии, превращения Индии на длительную перспективу в азиатскую державу «второго

класса» [Лексютина Я.В.]. Этот демарш бросил тень на развитие ИПП, так как именно выход через Пакистан в акваторию индийского океана делал на тот момент КПЭК флагманом китайского мегапроекта. Противостояние на плато Доклам на границе Индии, Бутана и Китая (лето 2017 г.), напомнило Индии о китайской трактовке границ вдоль Тибета и в определенной степени явилось ответом Пекина на индийскую позицию в отношении КПЭК. С этого времени обострение ряда пограничных споров, долгие годы остающихся замороженными, поставило под вопрос стабильность всей конструкции двусторонних отношений между Китаем и Индией.

Фактор пограничных споров и роль регулирующих механизмов взаимодействия

Споры относительно тех границ, которые были навязаны Китаю британцами в 1914 г. в Симле, обусловили сохранение территориальных противоречий между Китаем и Индией вдоль всей границы с Тибетом. С момента своего образования КНР не признавала линию МакМагона в качестве границы. Принципы «панчашилы» помогали сглаживать острые углы между странами в 1950-е годы, однако вопрос о политическом убежище для Далай-ламы XIV в 1959 г. вбил клин между Китаем и Индией. В 1960 г. Джавахарлал Неру отверг предложение Чжоу Эньляя об «обмене» территории Аруначал-Прадеш на Ладакх, что во многом предопределило дальнейшее сползание к войне. Провальные для Индии итоги китайско-индийской войны 1962 г. зафиксировали существенные изменения: территория Аксайчина в Ладакхе перешла под контроль КНР, а линия фактического контроля (ЛФК) стала играть роль неофициальной границы между двумя государствами. Индия была вынуждена согласиться с новым статус-кво, хотя неизменно считала территории Аксайчина своими. Большая часть ЛФК оставалась не демаркированной.

Нормализация китайско-индийских отношений в 1990-х сопровождалась подписанием двух соглашений по укреплению мер доверия в зоне ЛФК в 1993 и 1996 гг., согласно которым решение споров должно было осуществляться только в русле мирного диалога.

При этом Статья 6 (1) Соглашения 1996 г. предусматривала запрет на применение огнестрельного оружия или взрывчатки в случае столкновения военных двух стран на ЛФК [Agreement Between the Government...]. В первое десятилетие XXI в. на фоне широкого взаимодействия как на двусторонней, так и на многосторонней основе налаживание механизма по предотвращению пограничных столкновений соотносилось со стратегическими интересами обеих стран.

В начале 2010-х годов Индия стала обращать внимание на проведение Китаем дорожной инфраструктуры на Тибетском плато и в зонах ЛФК рядом с индийским Ладакхом. Появление китайских войск в «индийских» зонах ответственности ЛФК вызвали опасения в индийских политических кругах. Для нивелирования возможных проблем в 2012 и 2013 гг. Индия и Китай подписали новые соглашения по приграничному взаимодействию, усиливающим совместные механизмы по контролю и координации в зонах ЛФК. На этом фоне масштабная реформа НОАК в 2015 г. сопровождалась значительной перегруппировкой сил и увеличением присутствия войск КНР вдоль ЛФК. При этом в практику китайских пограничников вошли перемещения из «китайской зоны» ЛФК на спорные территории, контролируемые Индией. Согласно официальным индийским данным, в период 2016—2018 гг. китайскими пограничниками было совершено 1025 пересечений ЛФК, причем была заметна тенденция к ежегодному увеличению количества подобных случаев [1025 Chinese Transgressions...].

В этом ряду особняком стоит инцидент на плато Доклам в 2017 г. Индия продемонстрировала готовность защищать оспариваемую Китаем территорию Бутана в районе восточного сектора ЛФК в рамках Договора о дружбе от 2007 г. Защита бутанской территории увязывалась в Нью-Дели с поддержанием обороноспособности расположенного рядом стратегически важного штата Сикким, который является связующим звеном между северо-восточными штатами и основной территорией Индии. Очевидно, что ни одна из сторон не стремилась к дальнейшей эскалации, поэтому инцидент перерос в 73-дневное противостояние, завершившееся взаимным отводом войск. В политических и экспертных кругах Индии противостояние

в Докламе было воспринято в качестве проверки Китаем индийской реакции на попытку изменения статус-кво вдоль фактической границы.

Несмотря на провоцирующий характер изменений в пограничной политике КНР, в Нью-Дели воздержались от открытой критики действий Пекина и старались не подогреть общественные настроения, связанные с участвовавшими случаями появления китайских солдат на индийской части фактической границы. Администрация Н. Моди стремилась не допускать негативного влияния пограничных споров на общий характер взаимовыгодного сотрудничества с Китаем. Окончательное урегулирование сложившейся ситуации потребовало проведения неофициальной встречи на высшем уровне в апреле 2018 г. в Ухани. В то же время растущая активность Китая вдоль ЛФК, и особенно возле Ладакха, не могла не беспокоить руководство Индии.

Изменение статуса Джамму и Кашмира как обостряющий фактор

Переломным моментом в отношениях Индии и Китая стала отмена широкой автономии штата Джамму и Кашмир (ДиК) в августе 2019 г. Важную роль играют предшествующие этому события, а также понимание того, что фактор терроризма был и остается для Индии наиболее сильным триггером в определении региональной политики. Крупный теракт группировки Джаиш-е-Мухаммад в ДиК 14 февраля 2019 г. спровоцировал широкий общественный резонанс в Индии, подтолкнув Н. Моди на проведение жестких ответных мер. Впервые за всю историю страны премьер-министр Индии санкционировал военно-воздушную операцию в глубине пакистанской территории с целью уничтожения лагеря ДеМ по подготовке террористов. Важно подчеркнуть, что жесткая линия в отношении Пакистана укрепила популярность премьер-министра Моди и внесла значительный вклад в триумфальное переизбрание БДП на парламентских выборах в мае 2019 г. Выраженный националистический вектор БДП получил широкое одобрение среди индуистского боль-

шинства страны. Поэтому новое правительство Н. Модии предприняло попытку по-своему разрешить многолетний тлеющий конфликт в штате Джамму и Кашмир, невзирая на позицию мусульманского большинства этого штата и нерешенность вопроса о кашмирских границах с Пакистаном и Китаем.

В стремлении снизить уровень террористической активности, поддерживаемой из Пакистана, а также ослабить оппозиционный потенциал индийских мусульман в ДиК, Нью-Дели отменил особый статус Джамму и Кашмира 5 августа 2019 г. Понижение существующего статуса ДиК до уровня союзной территории подразумевало роспуск местного правительства, отмену собственной конституции штата и введение прямого управления из столицы. Принципиальное значение имело то, что Ладакх исключили из состава Джамму и Кашмира, сформировав из него отдельную союзную территорию. В восприятии Пекина изменение статуса ДиК и Ладакха нарушало статус-кво в «кашмирском вопросе». Пекин увязывал отзыв широкой автономии и изменение административных границ ДиК с проблемой нерешенности спора о границах между странами. Китайская сторона трактовала произошедшие односторонние изменения как «неприемлемые» и противоречащие двусторонним соглашениям 1993 и 1996 гг. Индия в свою очередь позиционировала реформирование Джамму и Кашмира как внутригосударственный вопрос, не требующий никаких согласований извне. В подтверждение этой позиции с ноября 2019 г. на официальных картах Индии Аксайчин, находящийся под управлением КНР, изображался в качестве неотъемлемой части индийской союзной территории Ладакх [Maps of newly formed...]. При этом важно подчеркнуть, что реформированию Джамму и Кашмира предшествовало строительство дороги к высокогорной индийской военной базе Даулат-Бег-Олди, позволяющей полноценно использовать восстановленную индийскую взлетно-посадочную полосу в нескольких километрах от ЛФК в Ладакхе. Получение Индией такого стратегического преимущества в районе Восточного Ладакха вкупе с изменением статуса всей территории ДиК было воспринято в Пекине как отход Нью-Дели от сохранения статус-кво в западном секторе ЛФК.

Новый инцидент в Ладакхе и его последствия

В результате усиления активности обеих сторон значительно повысился риск столкновений в «серых зонах» ЛФК, не имеющих четкой демаркации. Инцидент в долине реки Галван в Ладакхе 15—16 июня 2020 г. принес большое количество погибших, нехарактерное для рукопашной схватки без применения оружия. Согласно индийским данным, в ходе столкновения, произошедшего в индийской части долины Галван, погибло 20 солдат с индийской стороны и 43 с китайской [China suffered 43...]. Столь многочисленные жертвы были вызваны сложным рельефом местности (высокий обрыв, бурная горная река) и условиями плохой видимости. Дальнейшую эскалацию удалось предотвратить благодаря существующим механизмам взаимодействия и переговоров. В то же время крайне негативное общественное мнение, созвучное широкой антикитайской риторике индийских СМИ, настраивало правительство Индии в пользу кардинального пересмотра традиционной «китайской политики». По всей видимости, инциденты в Ладакхе (в долине реки Галван и у озера Пангонг-Цо) привели политическое руководство Индии к пониманию того, что прежняя индийская стратегия в спорных районах ЛФК не может предотвращать дальнейшую эрозию в китайско-индийских отношениях. Переброска дополнительных подразделений и систем ПВО, а также неожиданный визит премьер-министра Моди в Ладакх в июле 2020 г. должны были продемонстрировать выбор Нью-Дели жесткого курса в отношении Китая.

На этом фоне в сентябре 2020 г. КНР прояснила свою позицию, указав, что определяет «китайскую» и «индийскую» зоны ЛФК в Ладакхе согласно китайской трактовке линии от 7 ноября 1959 г. [Patranobis Sutirtho]. С данной трактовкой Индия никогда не соглашалась и оговаривала это при заключении договора о пограничном взаимодействии 1993 г., где был впервые официально использован термин «Линия фактического контроля». Теперь в свою очередь в Нью-Дели восприняли данную «максималистскую позицию» Пекина как отказ Китая от сохранения статус-кво в Ладакхе. Принципиальная разность трактовок ЛФК значительно усугубила положение дел и предопределила невозможность быстрого разрешения ситуа-

ции. Многоруандовые переговоры военных представителей сторон привели к обоюдному отводу войск вдоль ЛФК в Ладакхе только в феврале 2021 г. Однако разъединение войск вдоль наиболее проблемных зон в Ладакхе не привело к окончательной деэскалации, так как воинские части были лишь немного отодвинуты от спорных границ. И хотя ни Китай, ни Индия не заинтересованы в прямом военном столкновении даже на локальном уровне, деструктивные тенденции в китайско-индийских отношениях стали очевидны.

Торгово-экономическая зависимость в условиях пандемии COVID-19

Реакция индийского руководства на события в долине реки Галван в экономическом плане была весьма сдержанной. Летом 2020 г. был введен ряд ограничительных мер в отношении инвестиций из «граничащих с Индией стран». Общественная кампания по бойкоту товаров, произведенных в КНР, сопровождалась запретом на использование десятков мобильных приложений, разработанных в Китае. Однако политизированные меры экономического противодействия в данном случае слабо соотносились с экономическими реалиями. Китай продолжает оставаться для Индии крупнейшим торговым партнером, хотя существующий серьезный дисбаланс в торговле давно вызывает недовольство индийских общественно-политических кругов. По итогам 2020 г., дисбаланс удалось сократить за счет увеличения индийского экспорта, но при общем уровне двусторонней торговли в 77,7 млрд долл. импорт из КНР составил 58,7 млрд долл. [Sundaram Karthikeyan]. Общий характер торговли с КНР пока что не предусматривает возможность серьезных изменений без ущерба для индийской экономики.

На этом фоне тяжелый удар пандемии COVID-19 по национальной экономике Индии привел к резкому спаду ее ВВП на 7 % в 2020—21 финансовом году¹. В то же время позитивные прогнозы ведущих мировых рейтинговых агентств о быстром подъеме индийско-

¹ Финансовый год в Индии начинается 1 апреля.

го ВВП на 11 % в 2021—22 финансовом году [Брагина Е.А.] могут быть пересмотрены вследствие захлестнувшего Индию в апреле-мае 2021 г. «коронавирусного шторма». Повторное введение строгого карантина способно обрушить основные экономические показатели индийской экономики. В таких стрессовых условиях крайне сложно поддерживать проецирование территориального конфликта на сферу торгово-экономического взаимодействия. В настоящее время разность экономических потенциалов Китая и Индии и существенная экономическая зависимость от торговли с КНР заметно снижают риск того, что Нью-Дели сделает выбор в пользу даже ограниченного военного конфликта в случае обострения территориальных споров вдоль ЛФК. С другой стороны, в условиях развития конфронтации с КНР сохранение существующего торгово-экономического уровня взаимодействия не сможет долго цементировать китайско-индийские отношения при отсутствии политической воли к нахождению компромисса.

Трансформация «стратегической автономии» Индии?

Дальнейшее усиление конфронтации с Пекином предопределяет необходимость смены стратегических приоритетов в Нью-Дели. Одним из возможных вариантов стратегии Нью-Дели на фоне укрепления индийского оборонно-промышленного потенциала может стать концепция «мягкого балансирования», базирующаяся на теориях неореализма и конструктивизма. В этом случае традиционные принципы «стратегической автономии» во внешней политике Индии, не стесненные союзническими обязательствами, могут варьироваться в рамках системы «полуофициальных» союзов (стратегических партнерств), расширения военно-технического сотрудничества с отдельными странами, а также проведения военно-морских учений и диверсификации экономических связей с целью «невоенного» сдерживания КНР. Особо важную роль в данном случае играют США, которые с одной стороны провоцируют развитие американско-китайского антагонизма, а с другой — уже давно втягивают Индию в орбиту своего влияния в противовес Китаю. Несмотря на развитие таких

двусторонних форматов, как «2+2» (встречи министров обороны и министров иностранных дел США и Индии) и значительного укрепления американо-индийского военно-технического сотрудничества, прагматичные каноны индийской внешней политики не предполагают согласие Нью-Дели на подчиненную роль в отношениях с Вашингтоном ни в политических, ни в экономических вопросах.

Однако инциденты в Ладакхе очевидно отразились на стратегическом видении индийских политических элит. В марте 2021 г. наметился крен Индии в пользу «антикитайской» коалиции стран «Четырехстороннего диалога по безопасности», чаще сокращаемого до Quad (США, Япония, Индия, Австралия). Перезапуск Вашингтоном формата Quad в 2017 г. рассматривается многими экспертами как одна из инициатив, направленных на скрытое сдерживание КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Важно подчеркнуть, что впервые премьер-министр Индии принял участие в этом диалоговом формате. Приветственная речь Н. Моди сигнализирует о том, что Индия готова пересматривать традиционные направления своей внешней политики в пользу очень тесного сотрудничества со странами участниками Quad в акватории Индийского океана [PM's opening remarks]. В связи с этим хотелось бы выделить мнение А. Куприянова о том, что «продолжение конфронтации на китайско-индийской границе провоцирует дальнейшее ухудшение ситуации: чем больше китайцы давят на индийцев, тем активнее те сближаются с антикитайскими настроенными странами, что, в свою очередь, воспринимается в Пекине как повод усилить давление» [Куприянов А.].

Продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) также зачастую трактуется в русле развития антикитайского сотрудничества США и Индии, хотя позиционирование самой концепции ИТР в обеих странах значительно отличается. Индия подчеркивает культурно-экономическую основу для взаимодействия, в то время как США по сути делают акцент на стратегическом антикитайском формате сотрудничества. В связи с этим примечательна российская трактовка ИТР, во многом обусловленная усилением российско-американской конфронтации. В частности, министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил: «Индия является сейчас предметом настойчивой, агрессивной, изощренной политики западных стран,

пытающихся втянуть ее в антикитайские игры, продвигая индо-тихоокеанские стратегии (так называемый *Quad*), и заодно резко ослабить наши теснейшие партнерские, привилегированные отношения с индийцами» [Выступление Министра...]. На фоне слов президента РФ В. Путина о возможности военно-политического союза России и Китая [Путин не исключил...] в индийских общественно-политических кругах стало распространяться мнение о том, что Москва «дрейфует» в сторону Пекина. Действительно, в последние годы особо заметно китайско-российское сближение, ключевую роль в котором играет усиливающаяся конфронтация обеих стран с США. При этом было очевидно стремление России дистанцироваться от выбора стороны в пограничных спорах между Китаем и Индией. Но именно Москва стала площадкой для развития двустороннего диалога, в результате которого в сентябре 2020 г. министры обороны Индии и Китая смогли заключить соглашение о необходимости деэскалации ситуации в Ладакхе.

В итоге можно резюмировать, что вопрос территориальных противоречий в Ладакхе будет иметь определяющий характер в выборе стратегии Нью-Дели в отношении КНР на ближайшие годы. Для индийского руководства этот вопрос наслои́лся на проблему геоэкономической экспансии КНР в Южной Азии, «политику сдерживания» Индии на международной арене и «всепогодный союз» Китая с принципиальным региональным соперником Индии — Пакистаном. Тем не менее, возникновение даже локального военного конфликта Китая и Индии на сегодняшний день маловероятно: обострение территориальных противоречий в условиях пандемии вряд ли сможет перевесить важность торгово-экономической составляющей в китайско-индийских отношениях. Поэтому изменение внешнеполитических приоритетов Нью-Дели может стать одним из очевидных последствий усиления противоречий с Пекином в среднесрочной перспективе. Дальнейшее сближение в рамках *Quad* и укрепление совместной обороноспособности стран-участниц данного объединения посредством более тесного военно-морского, военно-технического и торгово-экономического взаимодействия представляется наиболее ожидаемым вариантом политики Индии в ближайшие 3—5 лет. В связи с этим процесс закрепления за Индией ведущей роли в

Индийско-Тихоокеанском регионе в культурно-историческом, торгово-экономическом и стратегическом отношении будет приоритетным направлением для политико-дипломатического истеблишмента и экспертно-аналитических кругов Индии. В рамках иных механизмов, условно относящихся к «мягкому балансированию», можно предположить, что Нью-Дели решит поддержать те международные инициативы, которые будут ограничивать рост экономического влияния Китая как в отдельных странах и регионах мира, так и в рамках различных торгово-экономических форматов взаимодействия. Поэтому противодействие реализации КПЭК и ИПП в целом может обозначить новые постоянные тенденции в индийской внешней политике. Последнее с большей вероятностью будет осуществимо в том случае, если США предложат Индии более выгодные условия торгово-экономического и военно-технического сотрудничества. В то же время присоединение Нью-Дели к прямым антикитайским санкциям Вашингтона или трансформация *Quad* в военно-политический союз во главе с США маловероятны и гипотетически возможны только в случае масштабных военных действий на китайско-индийской границе, начатых по инициативе китайской стороны. Представляется, что серьезное обострение возможно в случае, если Пакистан в ответ на реформирование штата Джамму и Кашмир признает спорные кашмирские территории Гилгит-Балтистана своей провинцией, а КНР признает эти новые границы с целью реализации проекта КПЭК. Индия не сможет остаться в стороне, ведь любой «компромиссный» пересмотр границ вдоль ЛФК вызовет широкую критику со стороны националистических кругов самой Индии, составляющих базу электората БДП.

Библиографический список

Брагина Е.А. Индия: основные экономические итоги 2020 года / ИМЭМО РАН, РАН, 01.02.2021. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/indiya-osnovnie-ekonomicheskie-itogi-2020-goda> (дата обращения: 20.04.2021).

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Общем собрании Российского совета по международным делам, 8 декаб-

ря 2020 г. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_public/7OvQR5KJWVmR/content/id/4470074 (дата обращения: 20.04.2021).

Курпьянов А. Заколдованный треугольник: постоянно поддерживая Китай, Россия рискует потерять Индию // Профиль. 12.01.2021. URL: <https://profile.ru/abroad/zakoldovannyj-treugolnik-postoyanno-podderzhivaya-kitaj-rossiya-riskuet-poteryat-indiyu-584411/> (дата обращения: 28.04.2021)

Лексютина Я.В. Китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ: подходы Японии и Индии // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 145—157.

Путин не исключил возможности военного союза России и Китая // ТАСС, 22 октября 2020 г. URL: https://tass.ru/politika/9793177?utm_source=vk.com (дата обращения: 20.04.2021).

1025 Chinese transgressions reported from 2016 to 2018: Government data // The Economic Times, November 28, 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/1025-chinese-transgressions-reported-from-2016-to-2018-government-data/articleshow/72262114.cms?from=mdr> (accessed: 14.04.2021).

Agreement Between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China on Confidence-Building Measures in the Military Field Along the Line of Actual Control in the India-China Border Areas, November 29, 1996. Article 6 (1). URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CN%20IN_961129_Agreement%20between%20China%20and%20India.pdf (accessed: 25.04.2021).

China suffered 43 casualties during face-off with India in Ladakh: Report // India Today, June 16, 2020. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-face-off-ladakh-lac-chinese-casualties-pla-1689714-2020-06-16> (accessed: 30.04.2021).

Likhachev Kirill. The Key Features of Relations between Russia and India in the Context of a Shifting Balance of Power in Asia // Stosunki Miedzynarodowe. International Relations. 2018. Vol. 54. Issue 2. P. 51—78.

Maps of newly formed Union Territories of Jammu Kashmir and Ladakh, with the map of India, November 02, 2019 / Press Information Buro, Government of India. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1590112> (accessed: 23.04.2021).

Patranobis Sutirtho. China takes 1959 line on perception of LAC // Hindustan Times, September 29, 2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/china-takes-1959-line-on-perception-of-lac/story-ciMDJjOeTLuvyvsNy7gJXI.html> (accessed: 19.04.2021).

PM's opening remarks at the first Quadrilateral Leaders' Virtual Summit / Prime Minister of India official website, 12 March 2021. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-opening-remarks-at-the-first-quadrilateral-leaders-virtual-summit/ (accessed: 19.04.2021).

Sundaram Karthikeyan, Chaudhary Archana. China Back as Top India Trade Partner Even as Relations Sour / Bloomberg, 23 February 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-22/china-returns-as-top-india-trade-partner-even-as-relations-sour> (accessed: 25.04.2021).

References

1025 Chinese transgressions reported from 2016 to 2018: Government data, *The Economic Times*, November 28, 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/1025-chinese-transgressions-reported-from-2016-to-2018-government-data/articleshow/72262114.cms?from=mdr> (accessed: 14 April, 2021).

Agreement Between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China on Confidence-Building Measures in the Military Field Along the Line of Actual Control in the India-China Border Areas, November 29, 1996, Article 6 (1). URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CN%20IN_961129_Agreement%20between%20China%20and%20India.pdf (accessed: 25 April, 2021).

Bragina, Elena (2021). Indiya: osnovniye ekonomicheskie itogi 2020 goda, [India: Main Economic Results of 2020], *MEMO RAS*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/indiya-osnovnie-ekonomicheskie-itogi-2020-goda> (accessed: 20 April, 2021). (In Russian).

China suffered 43 casualties during face-off with India in Ladakh: Report, *India Today*, June 16, 2020. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-face-off-ladakh-lac-chinese-casualties-pla-1689714-2020-06-16> (accessed: 30 April, 2021).

Kupriyanov, Alexey (2021). Zakoldovannyi treugol'nik: postoyanno podderzhivaya Kitay, Rossiya riskuet poteryat' Indiyu [Russia is taking risk to lose India through persistent support of China], *Profil' [Profile]*. 12.01.2021. URL: <https://profile.ru/abroad/zakoldovannyj-treugolnik-postoyanno-podderzhivaya-kitaj-rossiya-riskuet-poterya-t-indiyu-584411/> (accessed: 28 April, 2021). (In Russian).

Leksytina, Yana (2019). Kitaiskiye initsiativy 'Poyas i Put'' i ABII: podhody Yaponii i Indii, *Kitai v mirovoi i regionalnoi politike (istoriya i sovremennost')* [Chinese 'Road and Belt' Initiative and AIIB: approaches of Japan and India], Exec. Editor — Elena I. Safronova. Moscow: *Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS)*: P.145—157. (In Russian).

Likhachev, Kirill (2018). The Key Features of Relations between Russia and India in the Context of a Shifting Balance of Power in Asia, *Stosunki Miedzynarodowe. International Relations* vol. 54: 2: 51—78.

Maps of newly formed Union Territories of Jammu Kashmir and Ladakh, with the map of India, November 02, 2019 / Press Information Buro, Government of India. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1590112> (accessed: 23 April, 2021).

Patranobis, Sutirtho (2020). China takes 1959 line on perception of LAC, *Hindustan Times*, September, 29. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/china-takes-1959-line-on-perception-of-lac/story-ciMDJjOeTLuvyvsNy7gJXI.html> (accessed: 19 April, 2021).

PM's opening remarks at the first Quadrilateral Leaders' Virtual Summit (2021), March 12. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-opening-remarks-at-the-first-quadrilateral-leaders-virtual-summit/ (accessed: 19 April, 2021).

Putin ne isklyuchil vozmozhnosti voennogo soyuza Rossii i Kitaya (2020) [Putin has not excluded possibility of the Russia-China military alliance], *TASS*, October 22. URL: https://tass.ru/politika/9793177?utm_source=vk.com (accessed: 20 April, 2021). (In Russian).

Sundaram, Karthikeyan; Chaudhary, Archana (2021). China Back as Top India Trade Partner Even as Relations Sour, *Bloomberg*, February, 23. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-22/china-returns-as-top-india-trade-partner-even-as-relations-sour> (accessed: 25 April, 2021).

Vystuplenie Ministra inostrannyh del Rossiyskoi Federatzii na obsheem sobranii Rossiyskogo soveta po mezhdunarodnym delam (2020) [Russian Foreign Minister Sergey Lavrov's speech at the general meeting of Russia's foreign affairs council]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/70vQR5KJWVmR/content/id/4470074 (accessed: 20 April, 2021). (In Russian).